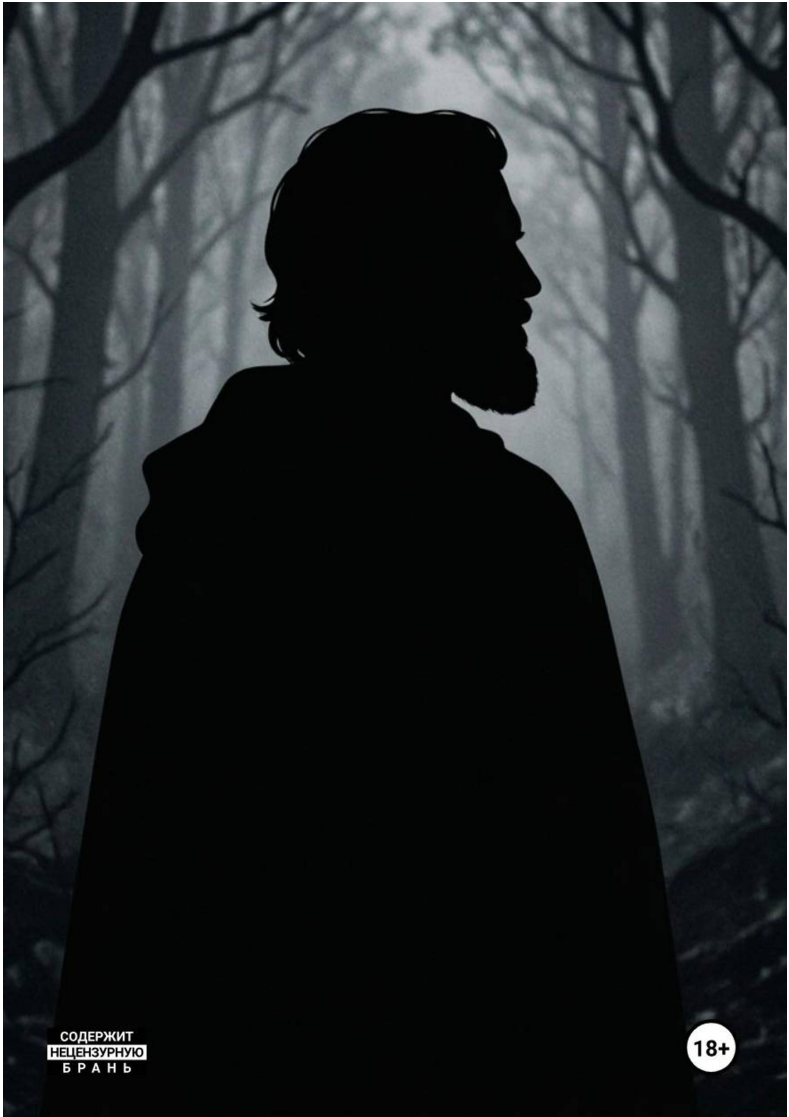
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Аркадий Тверской
Морок

https://litres.ru/74632778
SelfPub; 2026

Аннотация

Простой деревенский житель Захар теряет дочь. Отчаявшись, он нарушает древний закон и проникает в мир мёртвых, чем вызывает страшное бедствие — морок, несущий смерть и увядание.

Чтобы исправить содеянное, герою предстоит отправиться на север к могущественному колдуну Кудеяру. В пути его ждут испытания, потери и открытия. Захару предстоит не только восстановить равновесие между мирами, но и научиться жить дальше, отпустить прошлое и найти новый смысл существования.

Аркадий Тверской
Морок

МОРОК

Деревня жила тихо, будто боялась спугнуть рассвет. Туман стелился по земле, цеплялся за плетни, обволакивал колодцы и прятал избы в седой дымке. Из труб тянулся дым — лениво, неторопливо, как будто и ему не хотелось торопиться в этот сырой, тяжёлый день.

В избе Захара было темно и пахло дымом, старым деревом и хлебом, который уже начал черстветь. На стене чадила лучина, её огонёк дрожал, и тени плясали по брёвнам, будто живые. Захар сидел на лавке у печи, не спал — он вообще почти не спал с тех пор, как Лада заболела. Просто сидел, смотрел в темноту, слушал, как в тишине слышно каждое движение мира.

Лада лежала на полатях — маленькая, худенькая, будто ветер мог её унести. Ей было семь лет, но в последние дни она казалась ещё младше, будто болезнь стянула с неё возраст, как тулуп в жаркий день. Она дышала тяжело, с хрипом, и каждый её вдох отзывался в груди Захара, как удар.

Он снова тронул ей лоб — горячий, сухой, будто внутри неё развели костёр. Ладонь Захара дрогнула, но он тут же сжал пальцы в кулак. Лада не должна была видеть его страха.

Она и так видела слишком много.

— Тять, — прошептала она едва слышно, не открывая глаз. — А мы завтра на реку пойдём?

Захар помолчал. Ему хотелось сказать «да», хотелось пообещать, что они пойдут, будут сидеть на берегу, слушать, как вода шепчет, и бросать в неё камушки. Но язык не поворачивался. Он знал, что завтра может не быть.

— Посмотрим, — сказал он тихо.

Лада чуть нахмурилась, будто пыталась понять, что значит это «посмотрим».

— Это да или нет? — спросила она, и в этом вопросе было столько детского упрямства, что у Захара на секунду защемило сердце.

— Потом, — ответил он. — Спи.

Она не стала спорить. Просто закрыла глаза, повернулась на бок и затихла. Только дыхание осталось — неровное, рваное, как порванная нить.

На третий день стало ясно: лекарь не поможет. Захар нёс Ладу через деревню — она была лёгкой, почти невесомой, и от этого становилось ещё страшнее. Будто она уже наполовину ушла, растворилась в воздухе, и только тонкая ниточка держала её здесь, в его руках.

Изба лекаря пахла травами — густо, терпко, до рези в глазах. Пучки сухих трав свисали с потолка, на полках стояли горшки, на столе — ступка, в которой ещё виднелись крошки от вчерашних снадобий. Лекарь был старым, сухим,

с длинными пальцами и усталыми глазами, в которых давно не было надежды.

Он осмотрел Ладу: послушал грудь, потрогал лоб, заглянул в глаза. Потом молча встал, подошёл к полке, долго выбирал горшки, нюхал, смешивал что-то в ступке. Всё это время Захар стоял у двери, не садился, не шевелился. Только кулаки сжимались и разжимались, будто сами по себе.

Лекарь протянул ему глиняный горшочек.

— По глотку. Утром и вечером. Три дня, — сказал он ровно, без интонаций.

— Что с ней? — спросил Захар, и голос его прозвучал глухо, будто из-под земли.

Лекарь посмотрел на него. Не с жалостью — с усталостью.

— Жар я сниму. А дальше — как она сама.

— Что значит — как она сама? — повторил Захар, будто не понял слов.

— Ты слышал, — сказал лекарь и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Захар взял горшочек, подхватил Ладу и вышел. Дверь за ним закрылась тихо, но ему показалось, что она хлопнула, как удар кнутом.

Три дня прошли, как три долгих ночи. Горшочек опустел, а Ладе не стало лучше. Наоборот — она будто таяла, становилась всё прозрачнее, будто свет проходил сквозь неё. Она почти не говорила, только иногда шептала что-то, чего Захар не мог разобрать.

На шестой день она открыла глаза и посмотрела на него — не на лицо, а куда-то мимо, будто видела что-то за его спиной.

— Тять, — прошептала она. — А бересту мою… где она?

— На печке, — ответил Захар, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Лежит.

Лада кивнула, будто это было важно. Потом снова посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то взрослое, не по годам серьёзное.

— Тять, — сказала она. — Ты обещал рыбу.

Захар сжал зубы. Он помнил. Он обещал, что, когда она поправится, они пойдут на реку и будут ловить рыбу. Он не знал, сможет ли сдержать это обещание, но тогда, в тот день, когда она болела, он сказал «обещаю», и теперь эти слова звенели в голове, как колокол.

— Обещал, — тихо сказал он. — Поправишься — пойдём.

Лада улыбнулась краем рта — слабо, едва заметно. И закрыла глаза.

А потом её дыхание стало тише. Ещё тише. Ещё. И в какой-то момент оно просто остановилось.

Лучина щёлкнула и погасла. В избе стало темно. Захар сидел, не шевелясь, держал её руку — маленькую, горячую, а потом уже не горячую. Он не плакал. Он просто сидел, слушал тишину и чувствовал, как мир становится пустым.

Он не мог поверить в её смерть. Был уверен, что пока она

здесь, на полатях, пока тело не ушло в землю — можно что-то исправить. Это была не надежда, а упрямство — тупое, глухое, которое не слушает ни разума, ни советов. После долгих раздумий он встал и вышел во двор. Садящееся солнце било в глаза, было слишком ярким, слишком живым. Захар щурился, стоял на крыльце, оглядывался, будто не узнавал места, где прожил всю жизнь. Потом повернулся и пошёл — не к реке, не в лес, а к избе на краю деревни, где жил ведун Велемир.

Велемир жил на краю деревни, в избе, крытой берёстой. К дверному косяку были привязаны узелки — травы, косточки, клочья шерсти, — и ветер шевелил их, и они постукивали, будто считали что-то своё. Захар пришёл на закате. Постоял у крыльца, потом толкнул дверь — незапертую, будто ждали.

Ведун сидел у окна, перебирал в ступке сухие коренья. Был он не стар, не дряхл — жилистый, собранный, с глазами, которые смотрели не на лицо, а сквозь него. Когда Захар вошёл, ведун не поднял головы.

— Знаешь, зачем, — сказал Захар.

— Знаю, — ответил Велемир, не переставая растирать. — И знаю, что скажу нет.

Захар молчал. Ждал.

Велемир поднял голову. Посмотрел на него — долго, будто примерял.

— Я тебя туда не поведу, — сказал он. — Тебе туда нель-

зя. Не в таком состоянии. Горячий ты. Горе тянет тебя туда, как огонь тянет мотылька. Ты не вернёшься, а если и вернёшься, то наполовину мертвецом.

— Она там одна, — прошептал Захар.

— Её там нет, — сказал Велемир. — Там только отражение. Тебе покажется — она, но это будет не она.

Захар не ответил. Сидел, смотрел в пол. Ведун смотрел на него — и в его лице не было ни жалости, ни злости, только тяжесть человека, который знает закон и не может его обойти.

— Ты должен отпустить её, — сказал Велемир. — Она ушла. Ты не можешь её вернуть. Ни отваром, ни молитвой, ни силой. Чем дольше тянешься за ней — тем хуже тебе и всем вокруг.

Захар молчал. Не слышал. Или слышал — но слова проходили сквозь него, как ветер сквозь драную крышу.

Снаружи стукнули узелки на кольях — резко, часто, будто испугались. Велемир обернулся к окну. За стеклом — мутным, давно не мытом — мелькнуло что-то тёмное. Не тень, не птица — что-то, что пронеслось мимо избы и скрылось в тумане. Велемир встал — быстро, бесшумно, как встают люди, привыкшие реагировать раньше, чем подумают. Шагнул к двери, приоткрыл её, выглянул. Узелки бились друг о друга, тряслись на кольях, будто кто-то дёргал верёвку.

— Стой здесь, — сказал он Захару, не оборачиваясь, и вышел на крыльцо.

Захар остался в избе. Сердце билось — не от страха, а от того, что он увидел, когда ведун встал. Под лавкой, у стены — деревянный ящик с резной крышкой. Велемир растирал коренья рядом, и запах стоял по всей избе — не только травами, но и чем-то другим, тёмным, густым. Захар знал этот запах. Он помнил его из детства: горький, тяжёлый, как земля после дождя.

Захар открыл ящик. Внутри, в гнезде из сухого мха, лежал пузырёк — тёмный, узкогорлый, замазанный воском. Тот самый. От которого пахло горько и тяжело. Захар сунул пузырёк за пазуху, под рубаху. Холод ударил в грудь — не от стекла, а от того, что он сделал. Секунду он стоял, не дыша, прижимая пузырёк к телу, и слушал — не стукнут ли узелки снова, не скрипнут ли ступени.

Снаружи — тишина. Велемир что-то говорил на крыльце, негромко, ровно, будто уговаривал. Узелки стихли. Шаги по ступеням — тяжёлые, неспешные.

Захар сел на лавку. Сцепил руки на коленях. Пузырёк жёг кожу сквозь рубаху, и он чувствовал каждый удар сердца — будто оно стучало не в груди, а в стекле.

Велемир вошёл. Закрыл дверь. Посмотрел на Захара — и Захар на секунду подумал, что всё: видит, знает, сейчас скажет. Но ведун не смотрел на него. Он смотрел мимо и о чём-то напряжённо думал, будто пытался что-то вспомнить, но не мог.

Потом ведун повернулся к Захару. Лицо его было стро-

гим.

— Иди, — сказал он. — И больше не приходи.

Захар встал. Кивнул. Голос его дрогнул, но ведун не придал этому значения. Захар вышел. Спустился с крыльца. Узелки на кольях молчали — не стучали, не шевелились, будто что-то знали и молчали.

Он шёл через деревню, и пузырёк за пазухой тянул его вниз — не весом, а холодом, который расходился от груди по всему телу. Он знал, что без проводника можно не вернуться. Велемир сказал — душа не слышит тело. Но Захар думал: я услышу. Я услышу своё сердце, найду дорогу назад. Он думал так, потому что думать иначе не мог.

Велемир не заметил пропажу сразу. Он вернулся к ступке, растирал коренья, бормотал рецепты. Только когда узелки на кольях снова застучали — не ветер, а быстро, часто, как испуганный пульс — он понял. Туман стоял ровно, но в нём что-то сдвинулось — тонкое, едва заметное, как накренившаяся чаша. И оттуда тянуло холодом, не сквозняком, а настоящим холодом, будто кто-то приоткрыл дверь в погреб зимой. Кто-то из живых прошёл в Навь — и мир качнулся.

Он спешно вернулся в избу, открыл ящик. Пузырька не было.

Велемир не стал одеваться. Схватил с полки бутылёк — маленький, с тёплой крышкой — и побежал. Живой отвар. Три капли — и душа, если ещё не ушла насовсем, вернётся в тело. Главное не опоздать.

Он бежал через деревню, и туман расступался перед ним, будто знал его и боялся. Вбежал в избу Захара — и дверь не скрипнула, будто даже дерево не хотело шуметь.

Захар лежал на лавке. На полатях, в двух шагах, лежала Лада — маленькая, неподвижная, накрытая лоскутным одеялом. Захар — глаза открыты, но пустые, как у куклы. Лицо белое — не бледное, а белое, как мел. Губы синие. Дышал — но едва, так тихо, что любой человек счёл бы его мёртвым. Сердце билось — но редко, и каждый удар был тише предыдущего. На столе стоял пустой пузырёк.

Велемир открыл бутылёк. В нём был отвар — тёмный, но тёплый, пахнущий хвоей и мёдом. Он приподнял голову Захара, наклонил бутылёк и капнул — раз, два, три. Три капли на синие губы.

Ничего.

Ещё три капли.

Захар дёрнулся — тело выгнулось, как от удара, и из горла вырвался хрип, не крик, а хрип, будто кто-то вытаскивал его из воды. Глаза моргнули — раз, другой — и в них проступила боль. Живая боль.

Он закашлялся. Повернулся на бок. Тело тряслось, руки дрожали, зубы стучали. Велемир держал его за плечи и ждал.

Когда Захар перестал трястись и просто лежал, дыша тяжело, рвано, ведун отодвинулся. Сел рядом на лавку.

— Зачем? — спросил он тихо.

Захар не ответил сразу. Лежал и смотрел в потолок.

— Я слышал, — прохрипел он наконец. — Что в течение трёх дней можно вернуть человека из Нави. И он будет жив.

Велемир помолчал. Потом покачал головой — медленно, тяжело.

— Это не так, — сказал он. — Однажды умершие оттуда не возвращаются. Можно воскресить тело. Но не душу. Тело будет дышать, ходить, есть. Но это будет не тот человек. Пустая оболочка. Без души.

Захар закрыл глаза.

— Ты украл отвар, — продолжил Велемир, и в голосе его не было злости, только усталость. — Пошёл без проводника. С сильной болью в груди. Навь не отпускает таких людей полностью. Половина тебя застряла там. А половина вернулась. Равновесие нарушено. Теперь люди станут умирать чаще. Чувствую, что морок придёт на наши земли.

Тишина.

— Ты должен отпустить дочь, — сказал Велемир. — Она ушла. Не туда, куда ты ходил, — дальше. Ты не можешь её вернуть. Ни отваром, ни молитвой, ни силой. Только навредишь, и себе, и людям.

Захар не ответил. Он лежал и смотрел в темноту.

Велемир встал. Положил бутылёк на стол.

— Живой отвар, — сказал он. — Если станет хуже — капни три капли. Но это не лекарство. Это затычка. Рану им не залечить.

Он ушёл. Дверь за ним закрылась тихо, но окончательно.

Захар похоронил Ладу на третий день. Рядом с могилой её матери, которая умерла шесть лет назад от чахотки, когда Лада была совсем маленькой. Копал землю сам, и каждый комок сырой земли был тяжелее, чем должен был быть. Когда засыпал, стоял и смотрел на холмик, и не мог поверить, что это всё, что осталось от его дочери: горсть сырой земли и береста на печке.

С того дня, как Захар вернулся из Нави, в деревне будто качнулось что-то невидимое. Сначала это было едва заметно — как тонкая паутинка, которую не сразу увидишь, если не присматриваться. Пришёл морок.

Первой пала Милка — корова соседки Марфы. Она не просто сдохла — она будто высохла изнутри: бока ввалились, шерсть стала ломкой, глаза помутнели за один день. Молоко в крынке скисло за ночь, хотя стояло в самом прохладном углу, и пахло не просто прокисшим — а чем-то гнилым, будто в него налили воды из болота.

Потом пришла хворь к людям. Не обычная простуда, не кашель, который проходит за три дня. Это была странная слабость: человек вставал утром, собирался работать, а к полудню уже лежал, глядя в потолок, и не мог поднять руку. Дети бледнели, у стариков темнело перед глазами, и даже самые крепкие мужики ходили, будто несли на плечах невидимый груз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.